

В ПОИСКАХ «СВОЕГО ЛЮТЕРА»: рецепция Реформации в периодической печати Германского союза в 30-е годы XIX века

А.А. Мойса

Аннотация. В статье рассматривается рецепция Реформации в либеральной, демократической и консервативной периодической печати Германского союза в 30-е гг. XIX в. Опираясь на подходы *memory studies*, автор раскрывает кейс конструирования исторической памяти германских земель и наглядно демонстрирует мемориальные войны, развернувшиеся вокруг наследия Мартина Лютера. Подбор источников учитывает дискуссию вокруг решения германского вопроса, которая повлияла на различия интерпретаций прошлого в газетах «Свободомыслящий» (“*Der Freisinnige*”) и «Немецкая трибуна» (“*Deutsche Tribüne*”). Проведенный компаративный анализ выявляет расхождения на уровне понятий, характерных для национальных нарративов. В то время как сравнение текстов «Евангелической церковной газеты» (“*Evangelische Kirchen-Zeitung*”) и журнала «Историко-политические заметки католической Германии» (“*Historisch-politische Blätter für das katholische Deutschland*”) проливает свет на конфессиональную полемику, последовавшую за актуализацией образа М. Лютера в массовом сознании. Таким образом, на примере инструментализации памяти о событиях Реформации автор демонстрирует специфику формирования национального самосознания немцев в первой половине XIX в. и выявляет факторы, которые привели к универсализации данного символа в качестве базиса немецкой национальной идентичности.

Ключевые слова: Германский союз, рецепция германской Реформации, Мартин Лютер, германский вопрос, национальная идентичность, периодическая печать, войны памяти, историческая память.

Для цитирования: Мойса А.А. В поисках «своего Лютера»: рецепция Реформации в периодической печати Германского союза в 30-е гг. XIX в. // Преподаватель XXI век. 2024. № 3. Часть 2. С. 276–287. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-3-276-287

© Мойса А.А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

IN SEARCH OF “ONE’S OWN LUTHER”: The Reception of the Reformation in the German Confederation’s Periodical Press in the 30s of the 19th Century

A.A. Moisa

Abstract. *The article considers the reception of the Reformation in the liberal, democratic and conservative periodical press of the German Union in the 30s of the 19th century. Based on the approaches of memory studies, the author reveals the case of constructing the historical memory of the German states and demonstrates the memorial wars that developed around the legacy of Martin Luther. The selection of sources takes into account the debate over the solution of the German issue, which influenced the different interpretations of the past in the newspapers *Der Freisinnige* (The Free Thinker) and *Deutsche Tribüne* (The German Tribune). The conducted comparative analysis reveals discrepancies at the level of concepts characteristic of national narratives. While the comparison of the texts of the *Evangelische Kirchen-Zeitung* and the journal *Historisch-politische Blätter für das katholische Deutschland* sheds light on the confessional polemics that followed the actualization of M. Luther’s image in the mass consciousness. Thus, using the example of the instrumentalization of the memory of the events of the Reformation, the author demonstrates the specifics of the formation of German national consciousness in the first half of the 19th century and reveals the factors that led to the universalization of this symbol as the basis of German national identity.*

Keywords: *German Confederation, German Reformation’s reception, Martin Luther, German issue, national identity, periodical press, memory wars, historical memory.*

Cite as: Moisa A.A. In Search of “One’s Own Luther”: The Reception of the Reformation in the German Confederation’s Periodical Press in the 30s of the 19th Century. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2024, No. 3, part 2, pp. 276–287. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-3-276-287

Когда мы здесь говорим о Реформации, вдвойне необходимо уточнить, что мы под ней имеем в виду: отчасти потому, что это нечто духовное, не имеющее ничего видимого или осязаемого, что могло бы соответствовать этому названию, а отчасти потому, что Реформация — чужое слово, не получившее постоянного значения путем ежедневного употребления в устах народа. Зато им столько раз злоупотребляли писатели, что оно, как и любое другое слово, имевшее несчастье попасть в их лапы, оказалось брошенным на произвол судьбы!

(«Евангелическая церковная газета», 1832 г.)

XIX век по праву можно считать столетием, значительно укрепившим основу немецкой национальной идентичности. Ярчайшим доказательством тому служат многочисленные праздники, которые устраивались с целью сплотить германскую общественность. Стать консолидирующим символом нации некоторым удавалось еще при жизни, как, например, О. фон Бисмарку во время празднования его 80-летия в 1895 г. [1, с. 102]. Однако не менее эффективны были и праздники в честь более отдаленных событий истории. Воспоминания о славном прошлом представляли собой важный инструмент в конструировании образа единой Германии вопреки разобщенности германских земель, о чем наглядно свидетельствует неоднократное обращение к Реформации в первой половине XIX в.

Уже первый крупный юбилей Реформации 1817 г., однако, показал, что интерпретация данного события вовсе не была гомогенной. Образ М. Лютера, борца за свободу-мыслие, воспеваемый буршами во время Вартбургского праздника, достаточно сильно отличался от портрета реформатора, рисуемого прусскими консервативными газетами. Выступая в обоих случаях в качестве национального символа, виттенбергский богослов нес абсолютно разный посыл, воплощая различные подходы к решению германского вопроса [2].

Чтобы понять причины столь заметного конфликта, необходимо разобраться, какие вообще представления о «нации» и будущем «Германии» господствовали в Германском союзе. Так, обращаясь к этой проблеме, О. Данн в своей книге «Нации и национализм в Германии 1770–1990» отмечает, что для немецких земель XIX столетия была характерна «политическая конкуренция двух наций»: национального союза князей и «современной нации», представленной народными слоями [3, S. 35]. Таким образом, «имперская нация» транслировала рейхспатриотизм консервативного толка, в то время как «гражданская нация», укрепившая свои позиции с развитием бюргерской интеллигенции, отстаивала народные права [Ibid, S. 80].

Важным индикатором для исследователей национально-политического мышления в Германии является и восприятие вызовов с французской стороны. Так, В. Зиманн выделяет два вида патриотизма, характерных Германскому союзу: защитно-интегральный, направленный против Франции, и эмансипационный, который, напротив, выстраивался на вере в братство народов [4, S. 25–26].

О неоднозначности национальных идей пишет и Д. Лангевише в своей статье «Нация, национализм, национальное государство: состояние исследований и исследовательские перспективы». С его точки зрения, многие князья поддерживали национальное самосознание, но вовсе не стремились к созданию централизованного национального государства [5, S. 206]. В то время как именно эту цель, по О. Данну, преследовали представители народной нации, желая построить государство, в котором суверенитет будет принадлежать совокупности его граждан [3, S. 94].

Обзор историографии, посвященной развитию немецкой нации, лишний раз убеждает в необходимости тщательного изучения контекста, который не только влиял на конструирование образов прошлого, но и давал разные дефиниции одним и тем же понятиям. Таким образом, чтобы составить более полное представление о специфике рецепции Реформации в первой половине XIX в., потребуется такая источниковая база, которая бы иллюстрировала разнообразие национальных нарративов.

При поиске источников, удовлетворяющих запросам исследования, выбор пал на периодическую печать Германского союза 1830-х гг., т. к. начало данного десятилетия ознаменовалось положительными результатами для борцов за свободу слова. Прогрессивная пресса, подвергнутая жесткому контролю из-за Карлсбадских постановлений 1819 г., вновь возродилась на немецком юго-западе: в Бадене и Баварии. Обусловлено это было тем, что именно эти земли, некогда входившие в Рейнский союз и находившиеся под сильным влиянием французских идей, сохранили больше возможностей для отстаивания прав и свобод личности [6, с. 289].

В марте 1831 г. ландтаг герцогства Баден принял закон о свободе печати. К. фон Роттек и К.Т. Велькер, усилиями которых это и стало возможным, не стали медлить и со вступлением закона в силу приступили к изданию газеты «Свободомыслящий» (“Der Freisinnige”),

популяризовавшей либеральные идеи [7, с. 97]. Параллельно в Баварии вел свою борьбу с цензурой И.Г.А. Вирт. Его газета «Немецкая трибуна» (“Deutsche Tribüne”), впервые увидевшая свет в июле 1831 г., стала рупором демократической оппозиции [3, S. 107].

Однако под давлением системы Меттерниха век бесцензурной прессы был весьма короток. В марте 1832 г. попала под запрет «Трибуна», в июле того же года был закрыт «Свободомыслящий». Просуществовав столь недолго, эти газеты, тем не менее, наглядно отразили либеральные и демократические взгляды своего времени. Охотно обращаясь к историческим примерам, издатели не оставляли без внимания и Реформацию М. Лютера. Правда, их интерпретация едва ли приходилась по вкусу публицистам консервативного толка. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим выпуски «Евангелической церковной газеты» (“Evangelische Kirchen-Zeitung”) под редакцией Э.В. Генгстенберга и сопоставим ее с «Историко-политическими заметками католической Германии» (“Historisch-politische Blätter für das katholische Deutschland”) Г. Филлипса и Г. Герреса.

Предлагаемый компаративный анализ поможет обнажить механизмы, с помощью которых велись «войны памяти». Руководствуясь подходами memory studies, автор проследит метаморфозы образа Реформации, преобразовавшегося в зависимости от политической направленности того или иного нарратива. Таким образом, в данной статье будут продемонстрированы не только различные векторы немецкой идеологии первой половины XIX в., но и то, как отсутствие гомогенной национальной идеи отразилось на конструировании популярных символов прошлого.

Чтобы понять специфику восприятия Реформации в немецких либеральных кругах, для начала стоит прояснить значение терминов, характерных для национальных нарративов данного движения. Благо сами К. фон Роттек и К.Т. Велькер в свое время озадачились этим вопросом: с 1834 г. под их редакцией начал выходить «Государственный лексикон», который они позиционировали как «энциклопедию всех учений о государстве для всех сословий». Иными словами, данное издание представляло собой словарь, транслировавший их политические взгляды.

При поиске дефиниции понятия «нация» сразу бросается в глаза, что составители ставят знак равенства между этим термином и словом «народ». Народом же, по их мнению, недостаточно назвать «просто толпу, у которой общие происхождение, язык и обычаи». Народом она может стать только тогда, когда в ней оживет «осознание и чувство народного единства» [8, S. 727].

Но как же его пробудить? Ответ прост: потенциальную нацию нужно, «как и каждого человека, воспитать». Процесс этот должен идти без спешки и без принуждений, добровольно, «с помощью свободных дискуссий» [Ibid, S. 729]. Однако кому, как не редакторам «Лексикона» было знать о строгих ограничениях своего времени. Посему главной помехой в образовании нации называется скованность «воли народа», которая «не может быть озвучена в истинной форме, коль нет свободной прессы, коль нельзя выражать мнение на свободных народных собраниях, коль народное представительство построено лишь на юридической функции» [Ibid, S. 728].

Чтобы преодолеть эти препятствия, интеллектуалам эпохи давался следующий совет: не заниматься абстрактными штудиями, а обратиться «к реальной жизни, стать полезными их согражданам» [Ibid, S. 730]. При этом, помимо активной гражданской позиции, в настоящем стоило иметь и хорошее представление о прошлом: ведь «нужно знать почву, в которую сажаешь, и плуг, которым пашешь» [Ibidem].

Важность отечественной истории для либералов заключалась в «дефиниции нации, определении свободной, национальной немецкой сущности» [9, S. 334]. Идеалом для них становились средневековые города, в которых они видели гармоничное сочетание «древнегерманской национальной свободы» и государственной идеи [Ibid, S. 335]. Но стоит учесть, что, несмотря на порицание «абсолютно ненемецкой и губительной неограниченности княжеской власти» [там же], «Лексикон» осуждал и «неверные крайности», к которым относил французскую революцию. Таким образом, народ и князья (которые не причислялись к нации в либеральном понимании) должны были действовать сообща, чтобы общество смогло «достичь соответствующего уровня национальности и свободы» [Ibid, S. 337].

Аналогичные призывы звучали ранее на страницах «Свободомыслящего». Либералам было важно подчеркнуть, что они против эскалации политической ситуации: «Усилия подавляющего большинства немецкой нации до сих пор были направлены лишь на мирное правовое оформление земельных и федеральных конституций с соблюдением княжеских прав» [10, Nr. 140, S. 563]. Доказывая свои мирные намерения, авторы взывали и к князьям лично, прося их «ослабить пути Германии», ведь народ все еще «надеется и уповает на то, что его правители захотят стать Леопольдами¹, чтобы в будущем заслужить их бесконечную благодарность и славу» [Ibid, Nr. 46, S. 188]. Вместо революции, в которой обычно заинтересованы лишь «реакционные губители нации» [Ibid, Nr. 140, S. 563], либералы избирали иной путь — государственную Реформацию.

Итак, в заметке под заголовком «Народные настроения в пользу национальности и свободы» предстает картина эволюции от Реформации духовной к Реформации политической. Подчеркивается, что «Германия начала свое реформирование с духа, освободила веру», затем важным шагом стало изобретение прессы, а теперь «настало время для политической реформации и обращения к народному благосостоянию» [Ibid, Nr. 46, S. 188].

Проводя линии преемственности, либералы также используют образ Реформации, чтобы отстаивать независимость печати. Ведь «снова, как в начале немецкой Реформации», даже «словечко» может все изменить. Если в XVI в. мечом духовным было Евангелие, то для их эпохи выкован меч политический — свободная пресса [Ibid, Nr. 101, S. 409].

Еще более усиливает данную параллель отрывок из французской газеты «Темпс», специально переведенный для читателей «Свободомыслящего». В нем борьба за свободу вероисповедания рассматривается как «мощный рычаг», значительно сокративший путь к политической свободе. М. Лютер нашел в себе мужество «предстать перед Карлом V в одиночку» и, несмотря на все сложности, выпавшие на его долю, «десять лет спустя половина Германии была протестантской». Вдохновляясь этим примером, автор текста выражает надежду, что «как и религия, немецкая свобода обретет своего Лютера» [Ibid, Nr. 139, S. 562].

Не только в переведенной статье, но и в авторских нарративах «Свободомыслящего» фигура М. Лютера рисуется в героическом свете. Его фамилия стоит в ряду «достойных предков», соседствуя с Э.В. Гутенбергом, В. Теллем и Б. Франклином [Ibid, Nr. 15, S. 64]. Его и Я. Гуса называют примерами для подражания из прошлого: как людей, отстаивающих свои убеждения [Ibid, Nr. 89, S. 361].

¹ Имеется в виду великий герцог Баденский — Леопольд, правивший с 1830 г.

Таким образом, с либеральных позиций Реформация представляла одним из ключевых эпизодов для развития немецкой нации. М. Лютер сделал первый шаг на пути к прогрессу, к свободе слова общества, запустив механизм, подготовивший немцев к новым преобразованиям. При этом делается акцент, что боролся он в основном своим красноречием, обращаясь за поддержкой к князьям, что также отвечало либеральному идеалу сотрудничества между властью и народом. И теперь лишь осталось найти такого же «Лютера», который сможет провести политическую Реформацию либерального толка.

Искали своего Лютера и демократы, однако у них этот герой изображался в несколько ином ключе. Разницу легко заметить на страницах «Немецкой трибуны», с самого первого выпуска привлекая к себе внимание цензоров. И не зря: если К. фон Роттек и К.Т. Велькер, осуждая абсолютную власть князей, все же надеялись на диалог, то основатель этой газеты, И.Г.А. Вирт, был неумолим в описании пропасти между правителями и народом. Пресса стала для него главным инструментом, чтобы пробудить немецкую нацию и донести до нее необходимость «организации Немецкого рейха в демократическом смысле» [3, S. 107].

«Немецкая трибуна» не боялась открыто критиковать текущую политическую ситуацию. Доходило даже до того, что власти обвинялись в антигерманизме. Ведь в идеале «под понятием «Германский союз» должно было бы подразумеваться объединение немецких народов для поддержания и продвижения общих национальных интересов» [11, Nr. 3, S. 21]. Так, с демократической точки зрения, в общих интересах нации было назначение конституированного правительства, снятие таможенных внутренних границ, открытое правосудие во внутренней политике, поддержка гражданских и политических свобод путем введения земельных представительств, общей репрезентации для всего народа, снятие цензуры и т. д.

В действительности же Германский союз был «мертв». Такой страны даже не существовало в европейской дипломатии: «На конференциях европейских держав все узнают только австрийского и прусского министров, но никто никогда не слышал о министре Германского союза» [Ibid, S. 22]. Таким образом, по мнению «Трибуны», вместо того, чтобы быть гласом народа, подобное правительство представляло собой не что иное, как «группку немецких дворов, поддерживающих сугубо аристократические цели» [Ibid, S. 21].

В эти цели отнюдь не входило просвещение нации, о чем подробно было написано в заметке с говорящим названием «Почему союз князей пытается держать народ в дураках?» [Ibid, Nr. 56, S. 441–443]. В безразличии правителей к «грубости и глупости народа», в маленьких заработках учителей, в распространении образования лишь среди привилегированных слоев общества читался заговор князей. Ведь если простой человек перестанет быть неучем, прочтет законы и осознает свои права, то он перестанет быть «ослепленным сиянием короны» и заметит «жалких людей, притаившихся за ним» [Ibid, S. 443].

Этим же людям «Немецкая трибуна» вменяет в вину раскол среди немцев. Изначально народ был един и жил счастливо, но потом «пришли короли и начали делить землю и людей». Чтобы закрепить свою власть, каждый из них говорил своим новоявленным подданным: «Вы не немцы, вы баварцы, пруссаки, австрийцы, вюртембергцы, саксонцы и т. д.» [Ibid, Nr. 20, S. 156]. Таким образом, с демократической точки зрения, сама история Германии лишняя раз доказывала, что князьям чужд патриотизм и любовь к Отечеству: они готовы в любой момент разорвать его, преследуя свои корыстные интересы.

Однако И.Г.А. Вирт призывал не отчаиваться. Не зря в прошлом немецкий народ не раз доказывал, что его не так просто покорить. «Кто сверг вероломное монашество с его высочайшего трона, с которого оно бросало молнии по всей Европе? Кто защитил священный огонь просвещения, забрезживший в народах после долгой ночи средневековья, и спас последующие века?» [Ibid, Nr. 65, S. 513], — так на страницах «Немецкой трибуны» Реформация М. Лютера разжигала пламя национальной гордости.

Как уже упоминалось выше, в национальных нарративах как либералов, так и демократов фигурировал мотив «второго пришествия» данного героя: «Рано или поздно царство божественного права найдет своего Лютера в Германии». Разница заключалась лишь в том, что тут его противники назывались прямо: с «немецким мужеством в сочетании с немецкой настойчивостью» он должен был сокрушить «деспотизм князей» [Ibid, S. 514].

Примечательно, однако, что «Трибуна» публиковала и альтернативные взгляды на события Реформации. Так, в выпуск от 4 февраля 1832 г. вошел отрывок из «интересной брошюры одного гениального француза». Речь шла о работе «Германия и революция» Эдгара Кинэ², которая, по мнению редактора, хоть и имела «искаженные суждения», но все же представляла «довольно оригинальную картину положения Германии, которой стоит поделиться» [Ibid, Nr. 30, S. 237].

С точки зрения французского историка, именно XVI в. подверг монархический принцип «такой глубокой и заметной тряске», что его нельзя было более считать нерушимым. Если бы Реформация проходила без каких-либо ограничений, то «у Германии даже была бы вероятность построить республику раньше, чем в Северной Америке». Тем не менее Э. Кинэ отмечает, что хоть «духовный переворот» М. Лютера и заложил основу для германской конфедеративной республики, в то же время Германия столкнулась с ужасной катастрофой [Ibid, S. 238].

Говоря о негативных аспектах Реформации, автор проводит параллели с Францией при Мирабо и Робеспьере: «Глубоко почитая старания своего доктора, Германия не забывает в день его памяти и то, что он провел свою страну сквозь реки крови». Так, хоть и будучи республиканцем, Э. Кинэ предостерегает от крайностей революции: «Достаточно одного человека, чтобы развеять монархический принцип в пыль», но, приняв к сердцу урок истории, нынче «этот человек, скорей всего, пройдет мимо» [Ibidem].

Подобный пример показывает, что «Немецкая трибуна» позволяла читателям ознакомиться с разными интерпретациями одного и того же исторического события, учитывая и взгляд «извне». Для этой газеты Реформация, безусловно, служила вдохновляющим примером из прошлого, доказывающим, что народу под силу сбросить оковы и вернуться к своему естественному свободному состоянию. Только если в XVI в. чуждым элементом в жизни нации было монашество, то теперь им стали правители-аристократы.

Итак, в либеральной и демократической рецепции Реформация М. Лютера имела, скорее, светский характер: хоть она признавалась освободительницей духа, для авторов куда важнее было изобразить ее как ступень в прогрессе нации, как символ успешной борьбы за свободу слова, как консолидирующий пример для современников. Однако не стоит полагать, что дебаты между католиками и протестантами, актуальные в век М. Лютера, совсем исчезли со страниц периодических изданий XIX в. Теологическая полемика Реформации отнюдь не была забыта приверженцами консервативной мыс-

² Эдгар Кинэ (1803–1875 гг.) — французский историк и публицист. Республиканец по убеждениям. Изначально прославился благодаря переводу «Философии истории» И.Г. Гердера на французский язык.

ли, что особенно заметно благодаря «Евангелической церковной газете» (“Evangelische Kirchen-Zeitung”) и «Историко-политическим заметкам католической Германии» (“Historisch-politische Blätter für das katholische Deutschland”).

На вопрос о политическом курсе «Евангелической церковной газеты» ее главный редактор Э.В. Генгстенберг отвечал следующим образом: «Вся наша политика заключается в безусловном повиновении властям, если их повеления не противоречат Божиим заповедям, содержащимся в Писании». По его мнению, придумывать политическую цель вообще было делом безвкусным, свое издание он мыслил не как социальную партию, а как «орган протестантской церкви», который защищал бы истинное учение от новых ложных интерпретаций [12, № 2, S. 10].

Тем не менее именно в этой газете некоторые исследователи усматривают истоки прусского консерватизма [13, р. 80]. Уже спустя год после своего основания «Евангелическая церковная газета» насчитывала 800 подписчиков, сформировав постоянную читательскую аудиторию [Ibidem]. И хотя главной целью издания по-прежнему оставалось прояснение доктринальных и внутрицерковных вопросов, опора на Священное Писание, с точки зрения Э.В. Генгстенберга, была актуальна и в вопросах политических [13, р. 103]. Таким образом, Евангелие легло в основу церковно-политического подхода к государственному устройству, а активная религиозная позиция оказала непосредственное влияние на развитие прусской консервативной среды.

Итак, уже эпиграф данной статьи показывает, что рецепция Реформации занимала Э.В. Генгстенберга достаточно сильно. Согласно «Евангелической церковной газете», сам термин «реформирование» зачастую использовался в качестве синонима «перемен» или «улучшений», однако нельзя было забывать, что и эти слова были достаточно абстрактны и приобретали полноценный смысл лишь тогда, «когда человек слышит — что и как должно быть улучшено» [14, № 56, S. 528]. Осторожность автора подчеркивает его неприятие революционных интерпретаций: «Недовольство самопровозглашенными реформаторами породило во многих предубеждение против всей Реформации, в которой видят лишь прикрытые для тех, кто хочет перевернуть все существующее с ног на голову» [Ibidem].

Желая отстоять честь слова, закрепившегося за «реальным и важным событием в истории христианства», «Евангелическая церковная газета» напоминала, что М. Лютер и его ученики понимали под ним «обновление или возрождение первоначального уклада». Таким образом, лютеранская Реформация не может трактоваться никак иначе, чем «попытка лютеран вернуть христианскую Церковь во всех отношениях к первоначальному устройству» [Ibidem]. Более того, не сомневаясь в том, что государство может управлять церковью, Э.В. Генгстенберг подчеркивал, что в борьбе за чистое учение именно в мирских государях М. Лютер нашел своих самых надежных покровителей [12, № 37, S. 292].

Будучи достаточно догматичным в своих суждениях, редактор «Евангелической церковной газеты» считал своим главным врагом рационализм, против которого он неоднократно высказывался [13, р. 103]. Например, на страницах газеты регулярно высмеивались любители вписывать Реформацию в контекст общего развития человечества. Крамолрой было называть М. Лютера и У. Цвингли лишь «проводниками духа своего времени» и сводить доктринальные дискуссии к продолжительному «антагонизму между наукой и церковью» [14, № 61, S. 485].

Однако не стоит полагать, что, транслируя «первоначальную» духовную цель Реформации, «Евангелическая церковная газета» совсем не упоминала ее влияние на более светские аспекты жизни немцев. Не оставался в тени и ее вклад в развитие немецкого языка. В штывки воспринималась критика лютеровского перевода Библии: «Ведь величайшие умы XVIII и XIX веков предпочитали язык М. Лютера всем остальным». Примечательно, что гарантом качества в этом вопросе служили оценки других «великих немцев» — Ф. Шиллера и И.В. Гете [12, Nr. 24, S. 192].

«Евангелической церковной газете» в целом важно было подчеркнуть, что М. Лютер был достойным христианином не только во время проповеди, но и в своей повседневной жизни. Так, она охотно рекламировала издание биографии виттенбергского богослова, отмечая, что «слово и жизнь величайшего немца» послужат прекрасной «родной и истинно немецкой» поучительной книгой [15, Nr. 6, S. 45]. Таким образом, представителям евангелического консерватизма не был чужд и национальный пафос.

Желание раскрыть истинную суть Реформации преследовало и католическую сторону. В противовес «органу протестантской церкви» Германии выступал «орган немецкого католицизма», статус которого на долгие годы приобрел журнал «Историко-политические заметки католической Германии», регулярно выходивший два раза в месяц, начиная с апреля 1838 г. [16, S. 143].

Своим основанием данное издание во многом было обязано реакции католических кругов Мюнхена на Кельнское дело 1837 г., в ходе которого произошел конфликт интересов прусского правительства и католической церкви, вылившийся в арест и заточение кельнского архиепископа Дросте цу Вишеринга [Ibidem]. Осознавая значительное влияние периодической прессы на современников, издатели «Историко-политических заметок» (Г. Филлипс и Г. Геррес) сразу же обозначили свою цель: бороться «как с революционной, так и с деспотичной доктриной ложной государственной мудрости» [Ibid, S. 144]. По их мнению, подобные ереси намеренно искажали события прошлого с целью подорвать авторитет католической Германии. В связи с чем, редакция также ставила перед собой задачу отстаивания истории и прав своей церкви.

Приняв во внимание курс журнала, несложно догадаться, что «религиозный раскол XVI века» упоминался в нем достаточно часто. «Историко-политические заметки католической Германии» не скрывали свое прохладное отношение к Реформации, но ради торжества «истины» то и дело возвращались к «зачинщикам и главными пособникам этого пагубного дела» [17, Nr. 20, S. 249]. В конце концов нельзя было допустить нарративную гегемонию «берлинских ученых», которые, желая скрыть неудобные для их интерпретации эпизоды, «враждебно относились ко всем глубоким и честным историческим исследованиям» [Ibid, S. 250].

Осознанно вступая в битву памяти, Г. Филлипс и Г. Геррес сосредотачивались на биографии и трудах М. Лютера, желая развенчать культ личности вокруг его фигуры. Как и демократы, в его деятельности они видели истоки революционных идей, которые в консервативном контексте получали, бесспорно, негативную коннотацию. «Псевдореформатору» вменялось в вину, что он пошел против авторитета Церкви, опершись на тех, «чья христианская вера была слаба или кто по бесчестным причинам разного рода желал церковной или политической революции в Германии» [Ibid, Nr. 27, S. 326]. Таким образом, если «Евангелическая церковная газета» видела в поступках М. Лютера обращение к князьям, истинным владельцам немецких земель, то «Историко-полити-

ческие заметки католической Германии» упрекали его в потворстве «революционным элементам германской имперской знати», которые только и думали, как бы разграбить Империю [Ibidem].

Доставалось и личным качествам характера реформатора, из-за которых, с католической точки зрения, страдало и все учение. Так, его «моральное высокомерие» привело к «одностороннему пониманию веры», отрицавшем «всякую заслугу в добрых делах, а значит, и ценность добродетели и морали в целом» [Ibid, S. 313]. Истинной движущей силой «восстания» М. Лютера называлось не что иное, как «слепая ненависть», которую предводитель изначально скрывал, но вскоре начал проявлять «без сдерживания и стеснения в больших формах» [Ibid, S. 321]. Таким образом, на страницах журнала шла деконструкция героического образа, который, по мнению редакции, стал слишком уж распространен в массовом сознании немцев.

Итак, если Э.В. Генгстенберг боролся против рационалистских и революционных трактовок деятельности М. Лютера, не умаляя его заслуг перед немцами, то Г. Филлипс и Г. Геррес освещали такие «факты», после которых «современные приверженцы» вряд ли смогли бы «видеть памятники в его честь и праздновать дни памяти его трудов» [Ibid, № 33, S. 423]. Подобные примеры доказывают, что и от консервативного крыла не утаилась трансляция новой «светской» версии истории, в связи с чем появилась необходимость отстаивать то, что они считали «истинным знанием» о Реформации.

Заключение. Благодаря временному ослаблению цензуры в 30-е гг. XIX в. между различными политическими движениями Германского союза развернулось осознанное противостояние за популяризацию «актуальных» версий прошлого. Высоко оценивая консолидирующий потенциал образа Реформации, либералы и демократы ставили это событие в пример успешной борьбы за свободу слова, позиционируя его как первую ступень на пути становления немецкой нации. Однако из-за различий в проектах решения германского вопроса, особенно заметных в отношении к действовавшему правительству, сразу бросается в глаза, как по-разному трактовались роль князей в жизни Лютера, его призывы к народу.

В то же время отстранение от конфессиональной идентичности, происходившее в рамках подобной инструментализации истории, шло вразрез с позицией консервативных кругов, в которых духовная принадлежность играла достаточно важную роль. Хотя католические и протестантские консерваторы по-разному оценивали вклад М. Лютера, обе стороны стремились вернуть рецепцию его деяний в теологическое русло. Тем не менее одна их реакция служит лучшим доказательством того, что к концу первой половины XIX в. восприятие Реформации уже вышло за рамки конфессиональных дебатов, а М. Лютер стал универсальным символом немецкого пантеона, к которому будут вновь и вновь возвращаться на пути к единению нации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ростиславлева, Н.В. Бисмарк, Германия и Россия: размышления о новейших немецких изданиях к юбилею Отто фон Бисмарка // Новый исторический вестник. 2016. № 1 (47). С. 101–115.
2. Мойса, А.А. Праздник «с правильным посылом»: формирование германской идентичности в рамках празднования 300-летнего юбилея Реформации (1817) // Преподаватель XXI век. 2023. № 2–2. С. 231–244.

3. *Dann, O. Nation und Nationalismus in Deutschland, 1770–1990.* München: Beck, 1993. 362 p.
4. *Siemann, W. Die deutsche Revolution von 1848/49. Einheit der Nation und Zwietracht der Nationalitäten // Die deutsche Nation: Geschichte-Probleme-Perspektiven.* Vierow bei Greifswald: SH-Verl., 1995. S. 24–34.
5. *Langewische, D. Nation, Nationalismus, Nationalstaat: Forschungsstand und Forschungsperspektiven // Neue Politische Literatur. Berichte aus Geschichts und Politikwissenschaft.* 1995. Vol. 40. S. 190–236.
6. *Ростиславлева, Н.В. Развитие республиканизма в Западной Европе (XVII – начало XX в.): между идеей и реальностью // Res Publica. Русский республиканизм от Средневековья до конца XX в. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 266–310.*
7. *Ростиславлева, Н.В. Политическая пресса в немецком герцогстве Баден в 20–30-е годы XIX века // Европейский альманах 2003. История, традиции, культура. М.: Наука, 2004. С. 93–104.*
8. *Staats-Lexicon oder Encyclopädie der Staatswissenschaften in Verbindung mit vielen der angesehensten Publicisten Deutschlands herausgegeben / von Carl von Rotteck und Carl Welcker. Bd. 15.* Altona: J.F. Hammerich, 1843. 987 S.
9. *Staats-Lexicon oder Encyclopädie der Staatswissenschaften in Verbindung mit vielen der angesehensten Publicisten Deutschlands herausgegeben / von Carl von Rotteck und Carl Welcker. Bd. 4.* Altona: J.F. Hammerich, 1837. 779 S.
10. *Der Freisinnige. Freiburger politische Blätter.* Freiburg im Breisgau, 1832.
11. *Deutsche Tribüne.* Homburg, 1832.
12. *Evangelische Kirchen-Zeitung.* Hrsg. von E.W. Hengstenberg. Bd. 6. Berlin, 1830.
13. *Achtelstetter, L.C. Prussian Conservatism 1815–1856: Ecclesiastical Origins and Political Strategies.* Springer International Publishing AG, 2021. 270 p.
14. *Evangelische Kirchen-Zeitung.* Hrsg. von E.W. Hengstenberg. Bd. 11. Berlin, 1832.
15. *Evangelische Kirchen-Zeitung.* Hrsg. von E.W. Hengstenberg. Bd. 10. Berlin, 1832.
16. *Wacker, A. Historisch-Politische Blätter für das Katholische Deutschland (1838–1923) // Deutsche Zeitschriften des 17. bis 20. Jahrhunderts / Hrsg. vom Heinz-Dietrich Fischer. Berlin, Boston: De Gruyter, 1973. S. 141–154.*
17. *Historisch-Politische Blätter für das Katholische Deutschland.* Hrsg. von G. Görres und G. Phillips. Bd. 2. München, 1838.

REFERENCES

1. *Rostislavleva, N.V. Bismark, Germaniya i Rossiya: razmyshleniya o novejsih nemeckih izdaniyah k yubileyu Otto fon Bismarka [Bismarck, Germany and Russia: Reflections on the Latest Editions to Mark Otto von Bismarck's 200th Anniversary], Novyj istoricheskij vestnik = The New Historical Bulletin, 2016, No. 1 (47), pp. 101–115. (in Russ.)*
2. *Moisa, A.A. (2023). Prazdnik “s pravilnym posyloom”: formirovanie germanskoj identichnosti v ramkah prazdnovanija 300-letnego yubileya Reformacii (1817) [A Celebration “With the Right Message”: The Formation of German Identity on the 300th Anniversary of the Reformation (1817)], Prepodavatel XXI vek = Russian Journal of Education, 2023, No. 2–2, pp. 231–244. (in Russ.)*
3. *Dann, O. Nation und Nationalismus in Deutschland, 1770–1990.* Munich, Beck, 1993. 362 p. (in Russ.)

4. Siemann, W. Die deutsche Revolution von 1848/49. Einheit der Nation und Zwietracht der Nationalitäten. *Die deutsche Nation: Geschichte-Probleme-Perspektiven*. Vierow bei Greifswald, SH-Verl., 1995, S. 24–34.
5. Langewiesche, D. Nation, Nationalismus, Nationalstaat: Forschungsstand und Forschungsperspektiven. *Neue Politische Literatur. Berichte aus Geschichts- und Politikwissenschaft*, 1995, vol. 40, S. 190–236.
6. Rostislavleva, N.V. Razvitie respublikanizma v Zapadnoj Evrope (XVII – nachalo XX v.): mezhdru ideej i realnostyu [The Development of Republicanism in Western Europe (17th – Early 20th Century): Between Idea and Reality]. In: *Res Publica. Russkij respublikanizm ot Srednevekovyia do konca XX v.* [Res Publica. Russian Republicanism from the Middle Ages to the End of the 20th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2021, pp. 266–310. (in Russ.)
7. Rostislavleva, N.V. Politicheskaya pressa v nemeckom gercogstve Baden v 20–30-e gody XIX veka [The Political Press in the German Duchy of Baden in the 20–30s of the 19th Century]. In: *Evropejskij almanah 2003. Istoriya, tradicii, kultura* [European Almanac 2003. History, traditions, culture]. Moscow, Nauka, 2004, pp. 93–104. (in Russ.)
8. *Staats-Lexicon oder Encyclopädie der Staatswissenschaften in Verbindung mit vielen der angesehensten Publicisten Deutschlands herausgegeben*, von Carl von Rotteck und Carl Welcker. Bd. 15. Altona, J.F. Hammerich, 1843, 987 S.
9. *Staats-Lexicon oder Encyclopädie der Staatswissenschaften in Verbindung mit vielen der angesehensten Publicisten Deutschlands herausgegeben*, von Carl von Rotteck und Carl Welcker. Bd. 4. Altona, J.F. Hammerich, 1837, 779 S.
10. *Der Freisinnige. Freiburger politische Blätter*. Freiburg im Breisgau, 1832.
11. *Deutsche Tribüne*. Homburg, 1832.
12. *Evangelische Kirchen-Zeitung*. Hrsg. von E.W. Hengstenberg. Bd. 6. Berlin, 1830.
13. Achtelstetter, L.C. *Prussian Conservatism 1815–1856: Ecclesiastical Origins and Political Strategies*. Springer International Publishing AG, 2021, 270 p.
14. *Evangelische Kirchen-Zeitung*. Hrsg. von E.W. Hengstenberg. Bd. 11. Berlin, 1832.
15. *Evangelische Kirchen-Zeitung*. Hrsg. von E.W. Hengstenberg. Bd. 10. Berlin, 1832.
16. Wacker, A. Historisch-Politische Blätter für das Katholische Deutschland (1838–1923). *Deutsche Zeitschriften des 17. bis 20. Jahrhunderts*. Hrsg. vom Heinz-Dietrich Fischer. Berlin, Boston, De Gruyter, 1973, S. 141–154.
17. *Historisch-Politische Blätter für das Katholische Deutschland*. Hrsg. von G. Görres und G. Phillips. Bd. 2. München, 1838.

Мойса Анна Александровна, аспирант, кафедра Всеобщей истории, Российский государственный гуманитарный университет, mojsa.an@yandex.ru

Anna A. Moisa, Post-graduate Student, General History Department, Russian State University for the Humanities, mojsa.an@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 18.06.2024. Принята к публикации 19.07.2024

The paper was submitted 18.06.2024. Accepted for publication 19.07.2024